

ПОДВИГ ВАСИЛИЯ ШЕРСТНЕВА

Шестнадцатилетним парнем Вася Шерстнёв пошёл работать стрелочником на станцию Чернореченская. Комсомолец Шерстнёв был одним из лучших рабочих. А потом стал курсантом одного из военных училищ. В родной дом, в деревню Пстойка, почтальон приносил треугольники солдатских писем. Сын писал о своей учёбе, о друзьях, о большом и любимом городе на Неве, городе великого Ленина. Это были последние мирные годы. На западе уже раздавались военные марши, дергался и истерично вопил в микрофон Гитлер.

Фашистские танки шли дорогами Франции, Польши, Югославии. Они приближались к рубежам нашей страны. И вот в маленький дом таёжной деревни стали приходить другие письма. От них пахло бензином, развороченной землёй, порохом. Это были фронтовые письма. Писал их Василий торопливо, времени было в обрез. Ведь каждый день шли жестокие бои с подлым врагом. Василий сообщал отцу, что командует танковой ротой, воюет вроде бы неплохо, награждён двумя орденами Ленина и Красного знамени.

Летели фронтовые дни. Советские воины насмерть отстояли у стен Ленинграда. По несколько раз в сутки водил свою танковую роту в атаку молодой коммунист Василий Шерстнёв. Однажды вражеский снаряд разорвался рядом. Был тяжело ранен водитель машины. Разбита гусеница танка. Над полем вставали черные султаны взрывов. По броне хлестали осколки. Нужно было во что бы то ни стало идти вперёд. И Василий Шерстнёв выпрыгнул из танка. Прямо на поле боя, под разрывами снарядов и мин он ремонтировал машину. А враги уже били по застрявшей машине. Десять минут, двенадцать. Вот и заменено звено гусеницы танка. Взревел мотор, грозная стальная крепость ожила. Её повел в бой командир роты Василий Шерстнёв. Шёл победный 1944 год. Части Волховского фронта, где служил наш земляк, перешли в наступление. Советские танкисты в стремительном броске форсировали реку Волхов и отрезали путь к отступлению немецким войскам Новгородского гарнизона. Фашистское командование, желая любой ценой ликвидировать прорыв, бросила в бой сильную ударную группу. В штаб наших войск полетело боевое донесение:

-«Волна, Волна. Я – Рубин. Вижу колонну вражеских танков, принимаю оборону!» Это последнее донесение коммуниста, капитана Василия Шерстнева.

У него было всего девять танков, у врага – двадцать и почти все тяжелые, хваленые «тигры». Вот уже задымился один наш танк, а «тигры» ползли медленно, словно боялись. В наушниках люди слышали спокойный голос командира.

- Не стрелять, пусть подойдут ближе! И потом резкий приказ: «Огонь!» Василий Шерстнев поймал на перекресток своего прицела борт головного тигра. Снаряд попал в цель. Вспыхнула вражеская машина. Фашистские танкисты выпрыгивали из нее и разбегались.

«Огонь! Огонь!» - Снова закрутился на одном месте еще один вражеский танк.

- Не пройдет! – крикнул сибиряк. Вдруг, чем-то тяжелым ударило в грудь, кровь залила глаза Василия. Вспыхнула свечой машина. Пламя охватило одежду. Тлел шлем, перчатки. А советский танк все еще жил. Пушка била врагов. Василий Шерстнев стрелял из пламени. Атака врагов была сорвана. Ни одна машина не продвинулась вперед. Горсточка героев остановила вражескую лавину...

Василия нашли после боя. Он лежал, широко раскинув руки, словно хотел обнять всю нашу землю. Тлела одежда. В левом кармане у самого сердца, нашли бойцы обгорелую, всю залитую кровью, небольшую книжечку – партийный билет. Он был свидетелем героического подвига. А на поле боя горели десять вражеских машин...

